

Непонятно, по какой причине Сяо Юй заставил его переодеться в эти одежды из парчи с узором в виде облаков. Неужели он заранее предвидел то, что произойдет сейчас?

Сердце Гу Цзюэ уже давно было иссечено тысячей ран, и теперь, лгать прямо на глазах у Гу Мина — было всё равно что вновь беречь эти кровоточащие раны, разрывая их по живому.

Однако Гу Мин посмотрел на Гу Цзюэ, и его лицо помрачнело, а во взгляде читалось полное неверие:

— Что ты такое говоришь? Ты же мужчина... Ты... любишь мужчин? Брату изначально не следовало бы обвинять тебя, но ты — отпрыск нашего клана Гу! Даже попав во дворец, как ты мог опуститься до того, чтобы вести себя как женщина? Где твоё достоинство?

Подавляя боль в сердце, Гу Цзюэ намеренно нахмурился и произнес:

— Так или иначе, он мне нравится, я не могу без него жить. Если брат попытается увезти меня силой, я определенно буду против. Даже если брат обладает могуществом и сможет вытащить меня отсюда, я всё равно не вернусь, и в конце концов приду обратно сама... то есть, сам!

Гу Мин никак не ожидал, что Гу Цзюэ выдаст нечто подобное:

— Ты... да ты просто сошел с ума!

Гу Цзюэ уже не мог сдерживаться. Он опустил голову, не смея показать брату выражение своего лица:

— Когда я впервые последовал за Сяо Юем в Тяньци, столько людей говорили, что я свихнулся. Брат, скажи, разве я пожалел тогда? Не жалею я и теперь. Если суждено умереть, я умру рядом с Сяо Юем, брату незачем обо мне беспокоиться.

— Ты! — Гу Мин хотел было что-то сказать, но, глядя на такого Гу Цзюэ, лишь со злостью сжал зубы и вымолвил: — Ты... ладно, будь по-твоему. Раз уж ты действительно так думаешь, то пока тебе живется не в тягость, я больше ничего не скажу.

В этом тоне сквозила предельная горечь и разочарование. Да, даже старший брат, услышав от него такие слова, непременно разочаруется в нем, верно?

От этих слов сердце Гу Цзюэ сжалось от боли. Он не смел больше взглянуть на Гу Мина ни единым разом, опасаясь, что в противном случае выдаст себя. К счастью... к счастью, тот, казалось, отступился.

В сердце Гу Цзюэ одновременно бушевала боль и рождалось облегчение. Высказав всё это, он

наконец-то смог без опаски поговорить с ним о чем-то другом:

— Брат, не говори обо мне. Лучше расскажи о себе! Я так долго не видел матушку и отца, как они поживают? А как старшая сестра? Братец, не появилась ли у тебя случайно жена?

Когда Гу Цзюэ завел об этом речь, угасший в его глазах свет то вспыхивал, то пропадал вновь. Тон его стал мягким, а на губах заблудилась улыбка — он так сильно надеялся услышать от Гу Мина хоть какие-нибудь хорошие новости.

Гу Мин чувствовал себя раздраженным и сбитым с толку словами Гу Цзюэ, ему казалось, что что-то здесь не так, но он никак не мог понять, в чем дело. Однако, видя полное надежды лицо Гу Цзюэ, он сглотнул все заготовленные упреки, и из его груди вырвался лишь тяжелый вздох. В конце концов, это был его младший брат, с которым они столько лет не виделись и которого он лелеял с малых лет. Глядя на это ожидание в глазах, он невольно подумал: неужели Гу Цзюэ и вправду изменился? Неужели чувства действительно способны настолько изменить человека?

Мог ли этот некогда безудержный, благородный и верный долгу человек ради чувств отказаться от своего прежнего я и превратиться в эгоиста, которого заботит лишь собственная любовь?

Гу Мин чувствовал, что Гу Цзюэ не был таким человеком. Но ведь только что каждое слово, каждое предложение из его уст свидетельствовали о том, что он совершенно забыл о семье! И лишь теперь, видя его таким, Гу Мин вновь почувствовал, что перед ним его младший брат. Тяжело вздохнув, он начал рассказывать обо всех больших и малых событиях, произошедших в доме за последние годы, однако в его голосе уже не было прежней теплоты.

Словно прошло больше трех лет, и сидевший перед ним брат слишком сильно изменился по сравнению с тем, каким был раньше. Изначально Гу Мин собирался во что бы то ни стало забрать Гу Цзюэ с собой, чтобы тот больше не страдал, но теперь...

Гу Мин и помыслить не мог о подобном.

Под конец разговор между братьями из-за тех слов, с которых всё началось, стал совсем натянутым. Разве Гу Цзюэ не чувствовал этого? Просто он слишком жаждал каждой минуты, проведенной рядом с Гу Мином. Если не случится какого-нибудь непредвиденного чуда, это, пожалуй, их последняя встреча в этой жизни.

Он ломал голову над тем, что бы еще сказать, но в этот момент снаружи раздался голос евнуха:

— Ваше Величество изволил пожаловать!

Гу Цзюэ при этих словах едва не перехватило дыхание. Зачем пришел Сяо Юй?

Но он только что наговорил Гу Мину столько всего! Если он сейчас выдаст хоть малейшее волнение, Гу Мин тут же поймет, что что-то не так. Он торопливо поднялся на ноги и поспешил навстречу Сяо Юю.

Однако приблизиться не посмел:

— Ваше Величество, — он одарил Сяо Юя улыбкой. — Я как раз рассказывал брату о том, как хорошо ко мне относится Ваше Величество, а вы уже отложили государственные дела и пришли.

Взглянув на улыбку Гу Цзюэ, Сяо Юй на мгновение даже растерялся. В этот момент он вдруг понял, что Гу Цзюэ, кажется, уже очень давно так ему не улыбался.

Очевидно же, что раньше тот был великим любителем улыбнуться, но с тех пор, как он ходил к нему в период домашнего ареста, Сяо Юй больше ни разу не видел его улыбки.

И вот теперь он снова улыбался ему, но эта улыбка была до фальшивого фальшивой.

Услышав его слова, Сяо Юй мгновенно всё понял.

Он не хотел, чтобы Гу Мин что-то заметил и устроил переполох, поэтому в присутствии брата ему приходилось притворяться, будто они пылко любят друг друга.

В глазах императора мелькнуло презрение. Какая наглость: разыгрывать перед ним любовный спектакль ради Гу Мина? Гу Цзюэ, стоило лишь увидеть, как дрогнули уголки губ Сяо Юя, сразу понял — тот видит его насквозь. Однако, раз уж Сяо Юй приложил столько усилий, чтобы спасти его, а теперь устроил подобное представление, он наверняка не позволит ему наложить на себя руки из-за Гу Мина. Гу Цзюэ не знал, что именно задумал Сяо Юй, но визит Гу Мина точно не был нацелен на то, чтобы довести его до гибели прямо здесь.

Гу Цзюэ поставил на то, что Сяо Юй не станет творить подобное на глазах у брата, но всё же не мог быть уверен в истинных намерениях императора. Он с надеждой заглянул Сяо Юю в глаза:

— Ваше Величество, вы отведали лапшу долголетия, которую я приготовил? Долго размышляя, я понял, что в такой день, как день вашего рождения, нет ничего более достойного, что я мог бы предложить, кроме этой лапши. Надеюсь, вы не побрезгуете моей неумелостью.

Услышав слова о лапше долголетия, Сяо Юй вспомнил ту дымящуюся миску — она ничем не отличалась от того, что он пробовал у Гу Цзюэ раньше. Взглянув на напряженное, почти испуганное лицо Гу Цзюэ, он вдруг криво усмехнулся и неожиданно протянул руку.

Гу Цзюэ замер, ошеломленный этой улыбкой, и не успел опомниться, как чья-то рука обвила его за талию, притягивая к себе. Сяо Юй, удерживая его в своих объятиях, негромко произвел:

— Кстати, а дома ты когда-нибудь готовил лапшу?

Прижатый к Сяо Юю, Гу Цзюэ поднял голову и увидел, что Гу Мин, уже успевший поклониться императору, теперь внимательно смотрит в их сторону. Вспомнив свои недавние слова о полной преданности Сяо Юю, Гу Цзюэ опустил взгляд, стараясь выглядеть смущенным:

— Нет.

Сяо Юй рассмеялся:

— Значит, твой брат тоже никогда не пробовал лапшу, приготовленную твоими руками?

С этими словами он перевел взгляд на котелок неподалеку, а затем обратился к Гу Мину, который хмурился с самого момента его прихода:

— Господин Гу проделал такой долгий путь. Почему бы Юй-эр не приготовить для вас миску лапши? Попробуйте, какова она на вкус.

— Юй-эр? — в глазах Гу Мина мелькнуло недоумение, и он пристально посмотрел на Гу Цзюэ.

Сам Гу Цзюэ не знал, что и думать. Раньше, когда Сяо Юй заставлял его прислуживать евнухом, он называл его Сяо Юй-цзы, а теперь вдруг — Юй-эр. Понимая, что в присутствии императора лишнее слово может обернуться бедой, а Сяо Юй точно не станет ему подыгрывать, Гу Цзюэ решил просто изобразить из себя человека, безумно влюбленного и всецело зависимого от правителя.

Он не осмеливался взглянуть на Гу Мина, боясь, что после сегодняшнего дня даже родной брат посмотрит на него с отвращением.

В этот самый миг сердце его внезапно дрогнуло. Он смотрел на профиль Сяо Юя — он давно не разглядывал его лица так пристально, хотя образ этот тысячи раз проносился в его мыслях. Сейчас, глядя на него, он находил его до боли знакомым, но в глубине души вдруг зародилась мысль, в которую он боялся поверить. Он как раз размышлял о том, что Сяо Юй потратил столько сил на его содержание вовсе не для того, чтобы довести его до смерти на глазах у Гу Мина. Однако, глядя на нынешнее поведение Сяо Юя, в его голове зародилось еще более тревожное предположение.

Гу Цзюэ на мгновение и впрямь замер, с глуповатым выражением глядя на Сяо Юй.

В этот самый момент Сяо Юй как раз опустил взгляд. В его глазах таилась улыбка, но, заметив, как ошеломленно Гу Цзюэ смотрит на него, он неожиданно осекся. Вмиг его взгляд потемнел:

— Цзюэ — словно драгоценный нефрит, он — мой любимец. Хоть он и мужчина, но служит мне уже три года, и я вполне доволен им. Поэтому я хочу дать ему титул по названию камня и пожаловать высокий статус, назвав его благородным господином Юем. Что об этом думает

господин Гу?

Раньше Гу Мин считал лишь то, что Гу Цзюэ любит открыто и честно: хотя связь между двумя мужчинами и потрясала устой света, он никогда не полагал, будто влюбленность младшего брата в мужчину — это нечто противоестественное.

Но теперь, глядя на вольные манеры Сяо Юй и на то, как Гу Цзюэ во всем потакает ему, Гу Мин почувствовал в сердце жгучий гнев. С чувством горького разочарования он посмотрел на Гу Цзюэ:

— Янь Хуа, ты действительно согласен принять этот титул?

Услышав тон Гу Мина, Гу Цзюэ почувствовал, как сердце кольнула боль. Он прильнул к боку Сяо Юй, не смея повернуться к Гу Мину лицом, но в его голосе прозвучало еще больше ласки:

— Ваше Величество так милостив и ценит меня, позволяя даже мужчине обрести свое место здесь, в гареме. Я бесконечно благодарен.

Сяо Юй прищурился. Эта фраза, по идее, должна была доставить ему удовольствие, но вместо этого от нее в его груди вспыхнуло пламя.

Однако, взглянув на потрясенное лицо Гу Мина, Сяо Юй сохранил бесстрастное выражение и прижал Гу Цзюэ еще крепче. Ощущая силу объятий Сяо Юй, Гу Цзюэ услышал, как Гу Мин сквозь зубы процедил:

— Как ты мог... так измениться?

Словно не уловив истинного смысла его слов, Гу Цзюэ с легкой, сбивающей с толку улыбкой на лице спросил Гу Мина:

— Измениться? Разве я не всегда был таким? Я люблю Ваше Величество, и для меня уже высшее счастье оставаться рядом с ним. О каких глупостях говорит брат?

Произнося это, он нарочито скопировал жереманные манеры молоденькой девушки. Сяо Юй уже говорил ему, что женственные ужимки в исполнении мужчины вызывают отвращение, и правда: сколь бы красив ни был мужчина, нарочито женственное поведение вряд ли могло выглядеть привлекательно.

Прильнув к Сяо Юй, он специально разыграл этот фарс. Гу Мин смотрел на него во все глаза, лишенный дар речи. Если от предыдущих слов Гу Цзюэ ему уже было не по себе, то теперь, видя эти жеманные кривляния, он с трудом узнавал в нем своего брата.

Человек перед ним словно просто носил лицо его брата, превратившись в совершеннейшего чужака. Лицо Гу Мина помрачнело, и он молча стоял в стороне.

Сяо Юй произнес:

— Кажется, господин Гу недоволен тем титулом, который Я даровал Юй-эру? Или господин Гу недоволен тем, что Юй-эр остается рядом со мной?

Гу Цзюэ торопливо схватил Сяо Юя за руку и забормотал:

— Брат есть брат, а я есть я. В моем сердце только Ваше Величество, я хочу лишь сопровождать Ваше Величество, и никто не заставит меня покинуть Вас. Умоляю, Ваше Величество, не отвергайте меня.

Гу Мин больше не мог на это смотреть. Понизив голос, он холодно бросил:

— Мне, как чужеземному подданному, не пристало докучать Вашему Величеству и... наложнику Юю. Позвольте откланяться.

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар, в груди заворочалось тупое, удушливое болевое ощущение, и на мгновение в глазах потемнело. Наложник Юй! Он назвал его наложником Юем! Это значило, что он разрывает с ним все братские узы!

Мир перед глазами Гу Цзюэ мгновенно расплылся. В ушах отчетливо стучало сердце, заглушая невыразимую, жгучую боль. Стиснув зубы, он твердил себе: так будет лучше, так лучше для Гу Мина. Раз Гу Мин возненавидел его, то больше не станет замышлять вызволить его из дворца. Но как же невыносимо болело сердце!

Ему хотелось оттолкнуть руку Сяо Юя и, не оглядываясь, выкрикнуть: «Брат, братец... я совсем не такой, правда не такой...»

Однако железная рука Сяо Юя, обвившая его за талию, казалась не плотью и кровью, а безжаппостным клинком: стоило ему дернуться, и он либо поранил бы себя самого, либо задел Гу Мина.

Гу Цзюэ не смел даже обернуться и посмотреть вслед удаляющемуся Гу Мину. Он лишь мертвой хваткой вцепился в рукав Сяо Юя, и на его лице не осталось ни следа недавней игры.

До ушей донесся вкрадливый, зловещий голос Сяо Юя:

— А ты неплохо разыграл этот спектакль перед собственным братцем.

Гу Цзюэ медленно разжал пальцы, но Сяо Юй не убрал руку с его талии. Холодно глядя перед собой, Гу Цзюэ произнес:

— Разве Ваше Величество забыл, что я хвораю чахоткой? Стоять так близко — значит подвергать опасности драгоценное здоровье. Было бы лучше отпустить меня.

Ярость, с самого начала кипевшая в душе Сяо Юя, выплеснулась наружу. Резко отдернув руку от талии Гу Цзюэ, он тут же вцепился ему в волосы. Заставив того задрать голову, император процедил сквозь зубы, охваченный темной злобой:

— Только что ты наперебой сыпал признаниями в любви и клялся, что не можешь жить без Меня, а теперь вдруг вспомнил про чахотку? А?

Преодолевая боль от запрокинутой головы, Гу Цзюэ уже не мог скрыть покрасневшие уголки глаз.

Сяо Юй глянул на эту красноту, и его голос заledenел:

— Я позволил тебе увидеться с Гу Мином, оказал такую милость, а ты в ответ реवेशь у Меня на глазах?

Едва он договорил, как пальцы, сжимавшие прядь волос, разжались. Гу Цзюэ резко качнуло назад, и ему стоило немалых трудов удержать равновесие.

Услышав слова Сяо Юя, он с горькой усмешкой ответил:

— Что ж, по крайней мере, я оправдал ожидания Вашего Величества.

Произнося это, Гу Цзюэ ощутил в голосе нотки обиды, которых сам никак не ожидал. Сказав так, он медленно подошел к столу и сел, всем видом показывая, будто Сяо Юя рядом вовсе нет.

Он слишком долго притворялся, и сейчас у него не осталось сил даже на крошечную фальшь. Усталость валила с ног. Сидя за столом, он на миг почти поверил, что Гу Мин все еще здесь и они, как прежде, беседуют о пустяках.

Как же сильно он жаждал этого! Но он сам все разрушил.

Разве могло быть иначе? Разве Сяо Юй пришел сюда не за тем, чтобы насладиться руинами его жизни?

— О? — Сяо Юй с холодным любопытством разглядывал поникшего Гу Цзюэ. — И каковы же Мои ожидания?

Гу Цзюэ невесело хохотнул:

— Если подумать, хотя Ваше Величество просто жаждал посмотреть представление о разрыве братьев, я все равно благодарен за то, что мне позволили повидаться со старшим братом.

При упоминании «представления о разрыве братьев» в глазах Сяо Юя мелькнула мрачная глубина.

Гу Цзюэ казался себе круглым дураком. Стоило ему увидеть Гу Мина, как он от радости позабыл обо всем на свете, наивно поверив, будто Сяо Юй проявил милосердие лишь из-за одной пиалы лапши долголетия.

Какое там милосердие?

Оставив его в живых, разве Сяо Юй желал ему спокойной, безмятежной и счастливой жизни? Ему просто казалось, что он еще недостаточно изощренно мучает узника! Сегодняшний спектакль... Гу Цзюэ понял все с того самого момента, как Сяо Юй заговорил о титуле.

Император жаждал увидеть, как они с Гу Мином публично разорвут все связи. Не приди Сяо Юй, они с братом поболтали бы о том о сём без особого энтузиазма, и на том бы всё закончилось. Но Сяо Юй явился собственной персоной и с порога завел речь о пожаловании ранга. Произнести подобное при Гу Мине означало вынудить Гу Цзюэ демонстративно оттолкнуть брата. Тем самым Сяо Юй не только на корню обрубал надежды Гу Мина вывезти его из дворца, но и сжигал за собой мосты братской привязанности — он хотел, чтобы Гу Мин возненавидел его!

И сейчас этот план уже наполовину удался. Гу Мин назвал его наложником Юем! Назвал наложником Юем, а не Янь Хуа... Это означало, что он окончательно признал: теперь Гу Цзюэ — человек Сяо Юя, а вовсе не представитель клана Гу...

Стоило Гу Цзюэ подумать об этом, как в груди снова заняло с прежней силой. И тут раздался

голос Сяо Юя:

— Ты действительно должен быть благодарен Мне. Не явись Я вовремя, чем бы всё закончилось у вас с Гу Мином? Неужели ты всерьез думал, что Я не в курсе, как Гу Мин отбился от посольства, прибыл в столицу заранее и стал разузнавать о тебе?

Гу Цзюэ, и без того растерзанный тоской, резко вскинул голову и посмотрел на императора.

Лицо Сяо Юя покрывала ледяная корочка, но в голосе звучала странная, равнодушная насмешка:

— Если бы Меня не было рядом, что бы сделал Гу Мин? Вытащил бы тебя из дворца? Какая наглость — дерзнуть уводить людей из моего гарема! Но теперь... пока я уверен, что у вас, братцев, больше не будет ни единой встречи, Я готов отпустить его. Гу Цзюэ, ты должен сказать Мне спасибо. Иначе, вздумай Я убить его, Синин не посмел бы пирогнуть и слова против, верно ведь?

Мало того, что он не позволяет ему вернуться на родину и держит во дворце ради мести, мало того, что использует жизнь близких как заложника, он еще и заставляет его собственноручно рвать отношения с братом... И после всего этого требует благодарности?!

Гу Цзюэ смотрел на человека, чье самодурство достигло абсолютной границы, и не знал, что и ответить.

— Благодарю Ваше Величество.

Лицо Сяо Юя мгновенно почернело.

— Этого мало.

— Что?

Сяо Юй прищурился:

— Неужели ты думаешь, что сможешь отблагодарить Меня пафосной миской паршивой лапши и парой слов? Я жду настоящей платы.

Гу Цзюэ закусил губу.

— Прошу Ваше Величество говорить прямо.

Сяо Юй в упор смотрел на него, и в его тоне сквозила ядовитая ирония:

— Разве только что ты не изощрялся в искусстве лицедейства? Почему же теперь у тебя даже улыбки не выжмешь? Что такое? Неужели прикажете притащить сюда Гу Мина и отхлестать его кнутом, чтобы заставить тебя улыбаться? Гу Цзюэ, не думал я, что ты из тех, кто не умеет покоряться судьбе. Но раз ты не хочешь улыбаться добровольно, Я хочу видеть на твоём лице ровно ту же фальшивую приторность, что и минуту назад. Сегодня ты будешь ублажать Меня именно с таким выражением лица.

С таким выражением? Улыбаться, лгнуть к нему? И прислуживать?

Гу Цзюэ едва не лишился дар речи от изумления.

— Полагал, Ваше Величество терпеть этого не может.

Уголки губ Сяо Юя изогнулись в ухмылке:

— Это ты терпеть не можешь.

Гу Цзюэ умолк, а Сяо Юй добавил:

— Раз тебе противно, значит, Мне по нраву.

— ... — губы Гу Цзюэ слегка приоткрылись. — Ради того, чтобы унижить меня, Ваше Величество готов даже терпеть мою омерзительную фальшь?

Сяо Юй ощутил глухое раздражение:

— Мне претит твоя лицемерная фальшь. Но раз тебе от этого тошно вдвойне, вид того, как ты унижаешься передо Мной, доставляет Мне огромное удовольствие.

— Я понял, — тихо произнес Гу Цзюэ. На его губах тут же расцвела улыбка. Наклонив голову, он посмотрел на Сяо Юя, и где-то на дне души шевельнулось странное чувство: оказывается, раз притворившись, во второй раз играть эту роль уже не так уж и трудно.

Пока рядом был Гу Мин, притворяться казалось невыносимо тяжело. Но теперь, когда Гу Мина не стало, перед лицом самого Сяо Юя эта задача больше не казалась непосильной.

Улыбаясь, Гу Цзюэ поднялся с места. Вспомнив про лежащую в стороне золотую полумаску, он надел ее, а затем протянул руку к Сяо Юю. Ожидая, что император брезгливо отпрянет от этого пробного жеста, Гу Цзюэ с удивлением обнаружил, что тот не отстранился. Тогда он решительно просунул руку под локоть Сяо Юя и крепко ухватился за него. На секунду он сам растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Сегодня день рождения Ваше Величества, — проворковал он. — Неужели Ваше Величество собираетесь провести его за разбором докладов в Зале Цяньюань? Разве другие наложницы не звали Вас к себе?

Сяо Юй прищурился:

— К чему ты клонишь?

Гу Цзюэ мягко улыбнулся:

— Просто только что Ваше Величество изволили пожелать, чтобы я повсюду сопровождал Вас. Я вот думаю: если остальные наложницы увидят, что я неотступно слеую за Вами, не лопнут ли они от зависти?

Сяо Юй прищурился еще сильнее и вдруг наклонился к самому его лицу:

— А если Я отправлюсь к кому-нибудь из них? Заревнуешь ли ты?

Захватывающие дух игры в ревность он забросил давным-давно. Но раз Сяо Юй задал такой вопрос, было очевидно: услышать отрицательный ответ он не намерен. Ему доставляло извращенное удовольствие заставлять Гу Цзюэ изъясняться в любви, чтобы потом растоптать эти слова насмешкой. Стоило Гу Цзюэ сделать попытку приблизиться, как император тут же сбивал с него спесь едким укором.

Вероятно, в этом и заключалось главное развлечение Сяо Юя? Быть может, именно ради этого он вернул его к прежнему подобию жизни?

Наверное, покорный, стирающийся в пыль у его ног Гу Цзюэ казался ему куда более забавным, чем тот упрямец, каким он был раньше.

Гу Цзюэ решил, что разгадал истинную причину перемены в поведении императора. Опустив ресницы, он послушно ответил:

— Разумеется, мне не по душе, если Ваше Величество проводит время с другими наложницами.

Раз уж тот решил изобретать все новые способы унижения, что ж, пусть продолжает. Гу Цзюэ мог сыграть эту роль. Он слишком хорошо помнил, каким был, когда безумно любил этого человека. И по сравнению с той искренней, сжигающей болью, нынешнее притворство не требовало ни единого душевного движения.

Месяц назад Гу Цзюэ и помыслить не мог, что сумеет держаться рядом с Сяо Юем с таким леденящим спокойствием. Однако месяц унижений в роли раба и игрушки научил его прятать сердце глубоко-глубоко. Не думать, не размышлять, превратить себя в пустую оболочку.

По сравнению с прошлыми временами, когда любая случайная встреча с Сяо Юем или пара брошенных им слов начисто лишали его самообладания, нынешний он и впрямь изменился до неузнаваемости, думалось ему.

Люди говорят: любовь рождается неведомо откуда и захватывает целиком. И эта истина как нельзя лучше описывала то, что когда-то испытывал к Сяо Юю сам Гу Цзюэ.

<http://bllate.org/book/21167/2144654>